

А.В. АРТАМОНОВА

ТРАЕКТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ: ИЗМЕНЕНИЯ И ФАКТОРЫ, ИХ ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ¹

Аннотация. В последние десятилетия демографы наблюдают изменения жизненного пути индивида в сфере формирования семьи. Данная работа посвящена анализу положения России на оси модернизации семьеобразующего поведения, выявлению траекторий формирования российской семьи, изучению их распространенности среди поколений россиян, родившихся с 1935 по 1984 г., поиску факторов выбора траекторий. В ходе анализа матримониального поведения в 11 европейских странах, данные о которых доступны в рамках второй волны (2006–2009 гг.) международного обследования «Поколение и гендер» (Generations & Gender Programme, GGP), продемонстрировано, что Россия не отстает от общих тенденций. Они заключаются в увеличении среднего числа партнеров в течение жизни, систематическом уменьшении доли людей, выбирающих брак, повышении доли одиноких, снижении числа вторых браков, вытесняемых сожительствами. С помощью кластерного анализа на данных панельной части трех волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), которое является частью международной программы «Поколение и гендер», были

Артамонова Алена Вячеславовна — магистр социологии (НИУ ВШЭ), студент магистратуры, Университетский Институт Лиссабона, Португалия. **Адрес:** 1649-026, Lisbon, Av. das Forças Armadas, 36, ISCTE — University Institute of Lisbon. **Телефон:** +7 (915) 269-43-71.

Электронная почта: aaaav@iscte-iul.pt

¹ Статья подготовлена в ходе исследования № 16-05-0011 «Разработка и апробация методик анализа демографических последовательностей» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

выявлены девять траекторий. Первая — «ранний прямой брак, рождение ребенка» является самой распространенной. Вторая — «поздний прямой брак, рождение ребенка» отличается от первой возрастом наступления событий. Более 60% представителей советских поколений россиян следовали этим двум траекториям. В случае молодых поколений они были потеснены моделями формирования семьи, где браку и рождению ребенка предшествует незарегистрированный союз, а также траекторией «сожительство, рождение ребенка». Частоты встречаемости остальных четырех траекторий статистически значимо не различаются для выбранных поколений. Мультиномиальная логистическая регрессия показала, что тип населенного пункта, уровень образования, возраст отделения от родителей и начала работы, пол, поколение и матримониальный опыт родителей связаны с выбором траектории формирования семьи.

Ключевые слова: жизненный путь; демография; поколения; второй демографический переход; траектория формирования семьи; брак; сожительство; деторождение.

Для цитирования: Артамонова А.В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847

Введение

За последние десятилетия из-под пера социологов, психологов, демографов вышло значительное число работ, фиксирующих изменения в матримониальном и репродуктивном поведении россиян. Долгое время семья в России создавалась путем вступления в брак и последующего рождения ребенка, причем брак был сравнительно ранним и универсальным. Средний возраст вступления в него оставался почти неизменным с конца XIX века до 1989 г. и составлял 24,2 года для мужчин и 21,4 для женщин; только 3,7% мужчин и 3,5% женщин к 45–49 годам никогда не состояли в браке [20]. Позднее стал наблюдаться рост среднего возраста вступления в первый брак: в 2010 году он составлял 27,4 года для мужчин и 25 лет для женщин. Возросла также и доля сожительств: если в 1994 г. только 6,6% союзов были незарегистрированы, то в 2010 г. доля таких союзов составляла уже 13%, и не в каждом из них появлялся ребенок [5; 20]. Демографы отметили заметное снижение социальных установок на число детей в российской семье [1]. Кроме того, выявлено, что молодые поколения зачастую предпочитают одиночество любому типу союза с партнерами, которых считают неподходящими [8]. В терминах концепции жизненного пути, которая выступает теоретической рамкой данного исследования, в России и в других развитых странах стала наблюдаться деинституционализация траекторий формирования семьи, под которыми понимаются последовательности наступления семьеобразующих событий с учетом возраста их наступления [3; 15; 21; 17; 13; 19].

Межстрановые различия в темпах модернизации этих траекторий могут быть объяснены неодновременным включением стран в процессы второго демографического перехода [3]. Об этом переходе, который является частью модернизации всех сфер общества, впервые заговорили Р. Лестег и Д. ван де Каа в 1985 г. [14]. По их предположению, контроль над демографическим равновесием перешел от смертности к рождаемости. Это связано с фундаментальными изменениями жизненного пути человека: свобода выбора брачного партнера и формы совместной жизни расширилась, женщины стали конкурировать с мужчинами на рынке труда, подход к последствиям сексуальных отношений стал более осознанным; появление контрацепции дало возможность более тщательно планировать свою жизнь, появилась ориентация на саморазвитие. Фиксированная последовательность событий индивидуальной траектории сменилась разнообразием жизненных путей. Колыбелью второго демографического перехода считают Швецию, затем его признаки были обнаружены в других европейских странах.

Еще одна причина неравномерного распространения изменений в семьеобразующем поведении — это историко-культурные особенности стран [3], в том числе традиционный тип брачности. Одним из первых, кто начал изучать брачность в межрегиональном контексте, был Дж. Хаджнал [12]. Он указал на то, что исторический тип брачности в Европе отличался от типов, существующих в других регионах мира. За пределами Европы он наблюдался лишь в странах, которые были населены выходцами из нее: США, Канаде, Австралии. Брачность там была поздней, процент окончательного безбрачия рекордно высоким (10–15% для мужчин и 15–20% для женщин). Хаджнал провел границу между двумя разными типами формирования семей по линии Санкт-Петербург — Триест. Западнее проведенной линии господствовал европейский тип брачности, а восточнее нее брачность была более ранней и универсальной, признаки второго демографического перехода начали проявляться там позднее, чем в западноевропейских, в частности скандинавских странах [21].

Как показали последние отечественные и зарубежные исследования, распространение новых траекторий внутри страны может быть обусловлено такими факторами, как тип населенного пункта [11], уровень образования [18], религиозность [6; 10], возрастные особенности отделения от родителей [18] и выхода на рынок труда [16], пол [6], принадлежность к поколению [2], матримониальный опыт родителей [6].

Отечественные исследования посвящены в основном изучению отдельных матримониальных и репродуктивных событий. Данная работа фокусируется на цепочках событий, и в этом ее новизна. Траектории формирования семьи становятся более разнообразными

и менее предсказуемыми [9], что приводит к необходимости понимания причин, стоящих за происходящими изменениями. Цели нашего исследования — рассмотрение положения России на оси модернизации жизненного пути в сфере семьи, выявление траектории формирования российской семьи, анализ распространенности последовательностей событий среди поколений россиян, родившихся с 1935 по 1984 год, поиск факторов выбора траекторий.

Данные и модели исследования

Динамику изменения брачности, разводимости, рождаемости рекомендуется отслеживать по данным выборочных обследований. Одним из самых известных в России можно считать обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), которое является частью международной программы «Поколение и гендер» (GGP)². Для сравнения изменений в семейно-образующем поведении в европейских странах использовались данные второй волны этого обследования (сбор данных осуществлялся в 2006–2009 гг.) в силу его репрезентативности для стран-участниц и возможности межстрановых сравнений.

Ограничение сводного массива данных второй волны обследования «Поколение и гендер» — отсутствие данных о возрасте наступления семейно-образующих событий. Кроме того, по некоторым странам отсутствует информация о числе детей, в связи с чем автором было принято решение не включать в межстрановой анализ репродуктивное поведение респондентов. Таким образом, было рассмотрено матримониальное поведение респондентов из пяти десятилетних когорт, рожденных с 1935 по 1984 г. В разных странах их количество различалось: Австрия — 3203 человека, Болгария — 8086, Венгрия — 9668, Германия — 2875, Грузия — 7026, Италия — 6275, Литва — 1997, Нидерланды — 5464, Россия — 6698, Франция — 5659 и Чехия — 2713 человек. Наибольшее значение имеют изменения в матримониальном поведении первых четырех когорт, поскольку к моменту опроса они достигли возраста как минимум 30 лет в зависимости от года сбора данных второй волны. Данные о поведении самой молодой когорты дают возможность предположить, как оно изменится в будущем. Такое деление на когорты удобно и для анализа изменений в траекториях формирования семьи россиян. В настоящем исследовании было выбрано поколенческое деление по периодам социализации, выделенным Ю. Левадой [7]. К «советским» поколениям относятся рожденные в 1935–1974 гг., а к «современным» — рожденные в 1975–1984 гг.

² Подробнее о GGP см.: Generations & Gender Programme. A Social Science Infrastructure for Research on Family Dynamics and Relationships. URL: <<http://www.ggp-i.org/>>.

Анализ по России базировался на данных панельной части трех волн (сбор данных проходил в 2004, 2007 и 2011 гг.) репрезентативного ретроспективного лонгитюдного обследования РиДМиЖ. Рабочая база включала 4948 человек в возрасте 24–85 лет на момент опроса третьей волны. Недостатком массива данных панели РиДМиЖ является смещение в сторону женщин (68 против 32% мужчин) в силу того, что корректировочные веса были рассчитаны только индивидуально для каждой волны.

Для рассмотрения тенденций формирования семей в поколениях россиян в сравнении с другими странами использовалась описательная статистика.

Для классификации россиян на основе их семьеобразующего поведения использовался кластерный анализ: иерархический метод межгрупповых связей с мерой квадрата расстояния Евклида для разведывания оптимального числа кластеров и метод К-средних в завершении процедуры. Поскольку под траекторией формирования семьи в работе понимается последовательность семьеобразующих событий с учетом возраста их наступления, ключевыми параметрами исследуемых траекторий являлись:

- факты наступления (или ненаступления) первого сожителства и брака, рождения первенца;
- возраст индивида на момент наступления этих событий.

В качестве исходной точки наблюдения был выбран возраст начала репродуктивного поведения (15 лет). Чтобы дать возможность представителям всех поколений выборки вступить хотя бы в один союз и/или родить первенца, возраст наступления этих событий был ограничен 35 годами. Это означает, что наблюдение за развитием траекторий россиян для каждого из анализируемых поколений осуществлялось через окно возраста 15–35 лет. Респонденты, у которых первые события наступили после 35 лет, не исключались из анализа, исключались лишь события, наступившие после установленной границы. Этого возрастного окна достаточно для отслеживания параметров наступления первых семьеобразующих событий, поскольку matrimониальные и репродуктивные события у россиян все еще сосредоточены в достаточно раннем возрастном периоде в сравнении с западноевропейскими странами [19]. С учетом этого были выявлены и представлены в таблице 1 доли респондентов, у которых наступили события, и возраст респондентов во время их наступления. Согласно данным РиДМиЖ, большинство россиян имели matrimониальный опыт в возрасте до 35 лет, причем 84% вступали как минимум в один брак, а 34% как минимум в одно сожителство. У 89% респондентов есть как минимум один ребенок.

Таблица 1

Основные параметры траекторий формирования семьи

Семьеобразующее событие	Доля тех, у кого было событие, %	Средний возраст участника на момент наступления события, лет
первое сожительство	34	22,7
первый брак	84	22,0
рождение первенца	89	23,2

Источник: РидМиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Как видно из таблицы 2, возможны 16 комбинаций анализируемых событий, причем вероятны траектории, в которых нет ни одного семьеобразующего события или есть только одно или два. Однако в соответствии с принципами концепции жизненного пути это не окончательное число возможных траекторий, поскольку важно учитывать возраст респондента в момент наступления анализируемых событий. Иными словами, ранний брак, за которым следует рождение ребенка, некорректно приравнять к позднему браку, за которым следует рождение ребенка, поскольку за этими траекториями могут стоять абсолютно разные социальные контексты. Именно поэтому была осуществлена группировка респондентов по их возрасту в момент наступления событий.

Таблица 2

Сценарии траекторий формирования семьи среди разных поколений россиян

№	Комбинация	Расшифровка
1	0	нет ни одного семьеобразующего события
2	С	только вступление в сожительство
3	Б	только вступление в брак
4	Р	только рождение ребенка
5	СБ	вступление в сожительство, вступление в брак
6	БС	вступление в брак, вступление в сожительство
7	СР	вступление в сожительство, рождение ребенка
8	РС	рождение ребенка, вступление в сожительство
9	БР	вступление в брак, рождение ребенка
10	РБ	рождение ребенка, вступление в брак
11	СБР	вступление в сожительство, брак, рождение ребенка
12	СРБ	вступление в сожительство, рождение ребенка, брак
13	БСР	вступление в брак, сожительство, рождение ребенка

Продолжение таблицы 2

№	Комбинация	Расшифровка
14	БРС	вступление в брак, рождение ребенка, сожитительство
15	РСБ	рождение ребенка, сожитительство, брак
16	РБС	рождение ребенка, брак, сожитительство

Для сравнения распространенности траекторий формирования семьи в разных поколениях россиян использовался частотный анализ и критерий Хи-квадрат для проверки статистической значимости различий.

Для выявления факторов, определяющих принадлежность к полученным кластерам, применялась модель мультиномиальной логистической регрессии. Предикторами модели стали тип населенного пункта, уровень образования, возраст отделения от родителей и начала работы, пол, принадлежность к поколению, матримониальный опыт родителей. Проверка корреляции между предикторами показала, что связи между ними слабы и переменные можно включать в регрессионную модель. Данные о религиозности не могут быть использованы в рамках исследования: вопрос об этой характеристике респондентов присутствовал в опроснике РидМиЖ, но они дают информацию на момент опроса, в то время как ситуация на момент наступления того или иного семьеобразующего события могла быть другой.

Анализ***Формирование семей в России в европейском контексте***

Анализ данных второй волны ретроспективного обследования «Поколение и гендер» (2006–2009 гг.) подтверждает, что брак перестал быть универсальным и таким же устойчивым, как прежде. Данные свидетельствуют о том, что индивиды предпочитают не ограничиваться одним партнером в течение всей жизни. Такие изменения особенно характерны для стран Западной (Австрия, Германия, Италия, Франция) и Центральной (Чехия, Литва) Европы, а также России (табл. 3). В этих странах наблюдается увеличение среднего числа партнеров, к которым могут относиться как супруги, так и сожители, в течение матримониальной биографии. Жители Венгрии, Болгарии и Грузии придерживаются более традиционной модели поведения.

В Венгрии, Нидерландах, Болгарии, Грузии наблюдается скромное снижение подавляющей доли тех, кто ограничивается только одним союзом в течение жизни (Приложение, А). Австрия, Германия, Италия представляют собой кластер стран, находящихся на другом полюсе: в них минимальна доля людей, имеющих опыт отношений только с одним партнером на протяжении жизни, не менее двух третей респондентов состояли как минимум в двух союзах. Респонденты

из Чехии, Франции и Литвы в большинстве имели в жизни один-два союза. Доля россиян, вступавших в брак лишь однажды, снижается совсем медленно, в отличие от Франции, Италии, Нидерландов (табл. 4). Однако она и не так высока, как в других странах (несколько уступает России только Чехия).

Таблица 3

**Среднее число партнеров на момент опроса
в траекториях представителей возрастных когорт, чел.**

Когорты по годам рождения	Венгрия	Нидерланды	Россия	Болгария	Грузия	Чехия	Франция	Германия	Италия	Австрия	Литва
1935–1944	1,2	1,2	1,7	1,0	1,0	1,8	1,8	1,8	1,8	-	1,7
1945–1954	1,3	1,3	2,0	1,0	1,0	1,9	1,9	1,9	1,8	-	1,8
1955–1964	1,2	1,3	2,0	1,0	1,0	1,9	2,0	1,95	1,8	2,6	1,8
1965–1974	1,2	1,3	2,1	0,9	0,9	1,9	2,0	1,9	1,6	2,6	1,8
1975–1984	1,0	1,0	1,6	0,6	0,7	1,3	1,6	1,3	0,7	2,2	1,6

Источник: GGP-2, расчеты автора.

Таблица 4

**Доля вступивших в первый брак на момент опроса
от общего числа представителей возрастных когорт, %**

Когорты по годам рождения	Венгрия	Нидерланды	Россия	Болгария	Грузия	Чехия	Франция	Германия	Италия	Австрия	Литва
1935–1944	86	84	77	87	88	75	81	77	9	-	87
1945–1954	83	77	77	88	88	74	75	77	84	-	82
1955–1964	82	73	79	85	84	72	68	75	83	69	86
1965–1974	73	62	74	75	67	66	62	79	71	65	8
1975–1984	37	27	54	34	42	31	29	35	22	42	61

Источник: GGP-2, расчеты автора.

Для анализа изменений в семьеобразующем поведении также принято обращать внимание на долю одиноких. В контексте последних десятилетий к этой категории принято относить никогда не состоявших не только в браке, но и в сожительстве. В анализируемых странах доля одиноких минимальна, она составляет менее 10% для всех полноценных рассматриваемых когорт в Венгрии, Нидерландах, России,

Франции, Австрии, Литве (Приложение, Б). На фоне увеличения доли никогда не состоявших в браке к моменту опроса заметна тенденция снижения числа одиноких в Чехии, Франции, России.

По доле тех, кто пережил развод, Россия схожа с такими странами, как Венгрия, Чехия, Франция. В Германии и Нидерландах эта доля чуть меньше и наблюдается тенденция к ее снижению (табл. 5). Эта доля минимальна в Грузии, Болгарии, Италии, но и в данных странах она возрастает для молодых поколений.

Таблица 5

**Доля переживших развод на момент опроса
среди представителей когорт, состоявших в первом браке, %**

Когорты по годам рождения	Венгрия	Нидерланды	Россия	Болгария	Грузия	Чехия	Франция	Германия	Италия	Австрия	Литва
1935–1944	16	17	20	6	4	15	16	13	6	-	12
1945–1954	21	20	23	10	4	21	23	17	9	-	16
1955–1964	24	19	24	11	5	23	20	20	10	18	21
1965–1974	17	10	23	8	4	17	11	11	6	13	19
1975–1984	6	2	7	3	2	4	2	6	1	4	5

Источник: GGP-2, расчеты автора.

Повторный брак — не очень частое явление (табл. 6). Доля тех, кто имеет опыт вступления во второй брак, в среднем по всем когортам колеблется от 0,8% в Грузии (процент повторных браков также низок в Италии и Болгарии) до 9,8% в России (процент повторных браков также высок в Венгрии и Чехии). В целом по странам заметна тенденция к снижению доли людей, вступающих во вторые браки, что может быть результатом как эффекта возраста (молодые когорты еще не успели обзавестись подобным опытом), так и тем, что после неудачного первого брака индивиды предпочитают незарегистрированный союз.

Тенденции, наблюдаемые в анализируемых странах, схожи, но скорость происходящих изменений различна. Эти изменения, характерные для унифицирующихся социальных пространств индустриальных и постиндустриальных обществ, заметнее в странах Западной (Австрия, Германия, Франция, Нидерланды) и Центральной (Чехия, Литва) Европы. Их отличает более раннее наступление второго демографического перехода и европейский исторический тип брачности. Менее заметны перемены в Венгрии, Болгарии и Грузии — странах, где процессы второго демографического перехода начались позднее и где преобладает восточноевропейский тип брачности. Россия на

этой оси модернизации жизненного пути в сфере формирования семьи занимает медианную позицию.

Таблица 6

**Доля вступивших во второй брак на момент опроса
среди представителей когорты, %**

Когорты по годам рождения	Венгрия	Нидерланды	Россия	Болгария	Грузия	Чехия	Франция	Германия	Италия	Австрия	Литва
1935–1944	11	8	12	3	1	12	7	9	2	-	7
1945–1954	12	10	13	4	1	12	10	9	3	-	8
1955–1964	9	7	11	4	1	9	7	7	3	13	5
1965–1974	6	3	9	2	1	8	2	5	1	11	5
1975–1984	2	1	3	1	0	1	0	1	0	6	2

Источник: GGP-2, расчеты автора.

Это положение России обусловлено несколькими факторами. Как было продемонстрировано С.В. Захаровым и его коллегами на примере доступных параметров семейного поведения, Россия на протяжении XX века следовала по общему с западными странами пути его модернизации [3; 4]. Для того чтобы это доказать, достаточно вспомнить о том, что в основе модернизации поведения лежат типичные для всех промышленно-городских обществ материальные условия жизни, труда, быта, система ценностей. Однако демографические катаклизмы, с которыми столкнулась Россия в прошлом веке, невнятная и непоследовательная идеология государства относительно семьи и ее положения способствовали тому, что в нашей стране заметные трансформации жизненного пути начали ощущаться только в первой половине 1990-х годов. С одной стороны, первостепенной заботой советской власти было «распространение городского образа жизни, увеличения независимости женщин и уровня образования, многого другого, что было несовместимо с сохранением традиционных семейных отношений» [3, с. 81] и подготовило почву для того, чтобы Россия достаточно быстрого догнала западные страны на пути изменения траекторий формирования семьи. С другой стороны, стимулирование государством рождаемости, периодическое ограничение разводов, непризнание незарегистрированных браков, вмешательство окружающих в дела семьи, сложности с обретением жилплощади для добрачного отделения от родителей способствовали сохранению универсальности сравнительно раннего брака.

Кроме того, наблюдалось некоторое противоречие между процессом модернизации и традиционным типом брачности, в котором были предопределены ранний возраст вступления в брак и рождения первенца. Россия как страна, большая часть территории которой расположена восточнее линии Хаджнала, не так легко поддавалась изменениям, как страны с европейским типом брачности [12].

Траектории формирования семьи россиян

С помощью кластерного анализа были выявлены более десяти групп россиян с различными семьеобразующими траекториями. После их детального рассмотрения было принято решение об укрупнении кластеров. Средние и медианные возрасты вступления в первые сожителства и браки, рождения первенца, а также число наблюдений и проценты по выборке для каждого из девяти итоговых кластеров представлены в таблице 7.

Таблица 7

Траектории формирования семьи россиян (средние / медианные возрасты участников событий, лет)

Траектория	События			Число случаев	% от общего числа случаев
	первое сожителство	первый брак	рождение ребенка		
Ранний прямой брак, рождение ребенка	-	20,2(20)	21,4(22)	1885	38
Поздний прямой брак, рождение ребенка	-	25,3(25)	27,5(27)	805	16
Раннее сожителство, брак, ребенок	19,5(19)	20,4(20)	20,8(21)	754	15
Позднее сожителство, брак, ребенок	25,3(25)	26,6(26)	27,5(27)	348	7
Нет союзов, нет детей	-	-	-	250	5
Сожителство, рождение ребенка	23,1(22)	-	24,1(23)	252	5
Нет союзов, рождение ребенка	-	-	24,5(24)	186	4
Брак, рождение ребенка, сожителство	29,5(29)	19,6(19)	20,8(21)	165	3
Как минимум один союз, нет детей	24,7(23)	24,9(24)	-	303	6

Источник: РидМиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Преобладающим по численности кластером выступают те, кто выбирает траекторию «Ранний брак, рождение ребенка». Этой традиционной для россиян траектории следовали 38% респондентов панельной части обследования РидМиЖ. Траектория «Поздний брак, рождение ребенка», на первый взгляд, схожа с первой по последовательности наступления событий, а также «крепости» союза. В соответствии с расчетами, результаты которых представлены в Приложении (В), только 17% браков респондентов, выбравших эти две траектории, распались на момент исследования третьей волны. Средняя длительность распавшихся браков составляет 6 лет в случае первой траектории и 5 лет в случае второй. Эти траектории также отличаются продолжительностью протогенетического интервала, составляющего 1,2 года для первой и 2,2 года для второй.

В случае третьей и четвертой траекторий «Раннее сожителство, брак, ребенок» и «Позднее сожителство, брак, ребенок» в силу ограниченности данных нельзя точно сказать, был ли заключен брак с тем же партнером, с которым было сожителство, или это другой партнер. Однако, глядя на возраст окончания союзов, можно предположить, что сожителство выступало первой ступенью к браку (Приложение, В). Кроме того, на основании ширины протогенетического интервала можно выдвинуть гипотезу о роли рождения первенца в матримониальных исходах этих двух траекторий. В случае раннего сожителства интервал между браком и рождением ребенка в среднем составляет 0,4 года или почти 5 месяцев, что может свидетельствовать о том, что решение о регистрации отношений было принято из-за беременности партнерши. В случае позднего сожителства этот интервал в среднем составляет 0,9 года или почти 11 месяцев, что, в свою очередь, может говорить о решении зарегистрировать отношения вследствие готовности иметь детей.

Важно рассмотреть время наступления семьеобразующих событий этих четырех траекторий в контексте социоэкономических событий взросления индивида: отделения от родителей, выхода на рынок труда и завершения образования наивысшего уровня (табл. 8 и рис. 1). Можно отметить некоторые сходства между первой и третьей, а также второй и четвертой траекториями. В случае раннего начала траектории выход на рынок труда, отделение от родителей и первое матримониальное событие в среднем происходят почти одновременно, а окончание образования наивысшего уровня происходит уже после рождения ребенка. В случае второй и четвертой траекторий семьеобразующие события наступают уже после остальных событий взросления.

Траектория «Нет союзов, нет детей» встречается у 5% респондентов РидМиЖ. Представители этой группы россиян в среднем значительно позже отделяются от родительской семьи в сравнении с теми, у кого было хотя бы одно семьеобразующее событие.

Таблица 8

Траектории формирования семьи россиян в контексте других событий взросления (средние возрасты участников событий, лет)

Траектория	Средние возрасты		
	отделение от родителей	первая работа	завершение образования
Ранний брак, рождение ребенка	20,2	19,1	21,4
Поздний брак, рождение ребенка	23,1	19,9	22,6
Раннее сожителство, брак, ребенок	19,5	18,8	21,1
Позднее сожителство, брак, ребенок	22,3	19,4	22,3
Нет союзов, нет детей	25,2	19,9	21,6
Сожителство, рождение ребенка	21,1	18,9	21,1
Нет союзов, рождение ребенка	21,5	19,5	21,6
Брак, рождение ребенка, сожителство	19,8	18,6	21,7
Как минимум один союз, нет детей	22,3	19,7	22,2
<i>Среднее по выборке</i>	<i>21,1</i>	<i>19,3</i>	<i>21,7</i>

Источник: РИДМИЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Траектория 6 представляет собой случай, когда сожителство выступает самостоятельным социальным институтом, за которым не следует брак даже после рождения ребенка. Вступление в союз происходит почти одновременно с окончанием образования и отделением от родителей, а рождение первенца наступает в среднем через 12 месяцев после этого. Данная траектория встречается у 5% респондентов РИДМИЖ.

Седьмая траектория «Нет союзов, рождение ребенка» встречается у 4% респондентов. Средний возраст рождения первенца составляет 24,5 года. Это семьеобразующее событие наступает после остальных событий взросления.

Траектория «Брак, рождение ребенка, сожителство» имеет сходство с первой траекторией. Главное отличие заключается в прочности союза. В данный кластер попали респонденты, брак которых в 84% случаев закончился разводом после 6,7 лет (в среднем), за которым последовало сожителство, также не отличающееся прочностью и закончившееся к моменту опроса третьей волны в половине случаев. Возрасты вступления в брак и выхода на рынок труда почти совпадают, окончание образования наивысшего уровня получено респондентами этого кластера уже после рождения первенца. В данный кластер попали респонденты, некоторое время проживавшие с родителями одного из супругов после вступления в брак.

В последний кластер были объединены респонденты, у которых было как минимум одно матримониальное событие, наступившее в возрасте 23–24 лет, и ни одного репродуктивного. Начало всех социоэконо-

мических событий взросления наблюдалось до вступления в союз. Доля респондентов РидМиЖ, выбравших эту траекторию, составляет 6%.

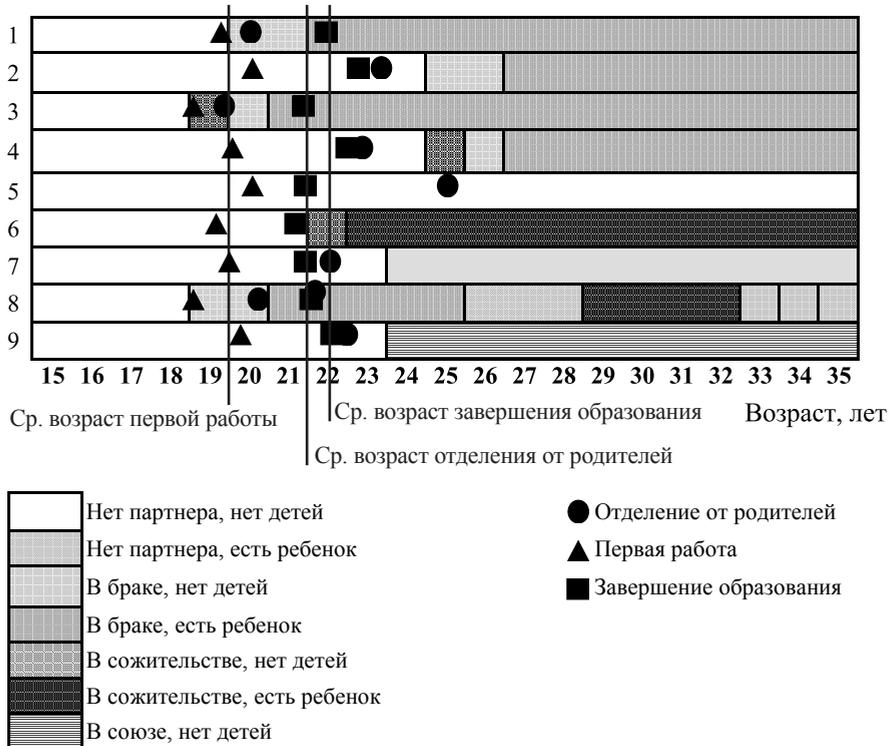


Рис. 1. Траектории формирования семьи россиян в контексте других событий взросления

Источник: РидМиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Респонденты, выбравшие вторую, четвертую, шестую, седьмую и девятую траектории приступили к формированию семьи, будучи более состоявшимися, чем респонденты, выбравшие остальные траектории, которые они начали формировать до наступления всех событий, являющихся маркерами взросления.

Траектории формирования семьи россиян: межпоколенческий аспект

Такие траектории, как «Нет союзов, нет детей», «Нет союзов, рождение ребенка», «Как минимум один союз, нет детей» достаточно устойчивы, их распространенность значимо не меняется по мере того как поколения «молодеют» (рис. 2). Исключением является поколение 1965–1974 годов рождения, но это можно объяснить скорее эффектом возраста, чем качественными изменениями.

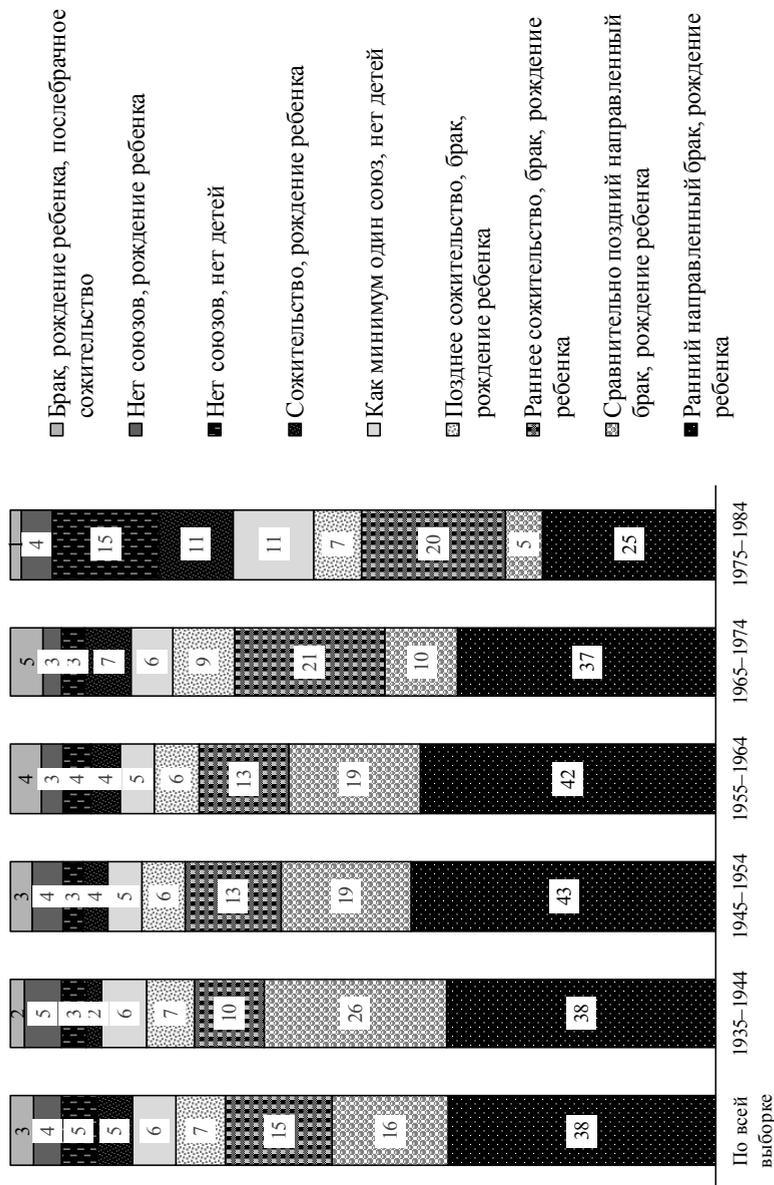


Рис. 2. Траектории формирования семьи среди поколений

Источник: РидДМиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора, %.

Первая траектория является самой распространенной во всех поколениях. Однако доля выбравших ее статистически значимо ниже в двух молодых поколениях россиян. Эти же изменения наблюдаются в случае траектории «Поздний брак, рождение ребенка». Если более 60% представителей «советских» поколений россиян выбирали эти две траектории, то среди представителей поколения 1965–1974 годов рождения наблюдалась растущая популярность начала траектории формирования семьи с раннего или позднего сожительства, за которым следует брак и рождение ребенка. Для этого поколения также характерно увеличение доли тех, кто воспитывает ребенка в сожительстве, не заключая брака. Для «советских» поколений доля тех, кто следуют этой траектории, составляла 2–4%, для поколения россиян 1965–1974 годов рождения она выросла до 7%, а для самого молодого — до 11%. В то же время не все представители самого молодого поколения достигли верхней границы возраста 35 лет на момент опроса третьей волны, чем и можно объяснить их непохожесть на более старших россиян. Есть основания предполагать, что доля представителей молодого поколения, выбирающих первые четыре траектории, возрастет за счет тех, у кого на момент опроса не было ни одного семьеобразующего события («Нет союзов, нет детей» — 15%) или был только союз («Как минимум один союз, нет детей» — 11%).

Факторы выбора траекторий формирования семьи

В качестве опорной категории модели мультиномиальной логистической регрессии был выбран самый многочисленный кластер «Ранний прямой брак, рождение ребенка», что позволило выявить характеристики россиян, выбирающих альтернативные траектории. В таблице 9 даны отношения вероятности того, что будет выбрана другая траектория, к вероятности, что будет выбрана основная.

При прочих равных выбору всех альтернативных траекторий, кроме «Нет союзов, нет детей» и «Нет союзов, рождение ребенка», в случае которых статистически значимых различий выявлено не было, способствует проживание в городе.

Высшее образование является фактором выбора таких путей формирования семьи, как «Поздний прямой брак, рождение ребенка», «Позднее сожительство, брак, рождение ребенка», «Нет союзов, нет детей», «Как минимум один союз, нет детей». Выбирать траектории «Раннее сожительство, брак, рождение ребенка» и «Сожительство, рождение ребенка» в большей степени склонны менее образованные россияне. Предпочтение траектории «Брак, рождение ребенка, послебрачное сожительство» не связано с уровнем образования.

Таблица 9

Мультиномиальная логистическая регрессия: факторы выбора траектории формирования семьи

Предикторы	Exp(B)							
	Поздний прямой брак, рождение ребенка	Раннее сожителство, брак, рождение ребенка	Позднее сожителство, брак, рождение ребенка	Нет союзов, нет детей	Сожителство, рождение ребенка	Нет союзов, рождение ребенка	Брак, рождение ребенка, послебрачное сожителство	Как минимум один союз, нет детей
Тип населенного пункта: село	1,258***	1,408***	1,562***	1,276	1,381**	1,087	1,698***	2,406***
Уровень образования: высшее								
общее	0,608***	2,424***	0,543***	0,569**	1,558*	0,850	1,044	0,577***
профессиональное	0,540***	1,592***	0,597***	0,505***	0,995	0,548***	0,981	0,652***
Возраст отделения от родителей: с 22 лет	0,442***	1,303***	0,582***	0,536***	0,830	0,716**	1,068	0,600***
Возраст начала работы: с 21 года	0,627***	0,927	0,946	0,676**	1,245	0,836	1,160	0,813
Пол: женский	2,984***	0,789**	2,485***	2,296***	1,078	0,518***	0,606**	2,038***
Матримониальный опыт родителей: расходились	1,120	0,579***	0,887	0,800	0,737	0,858	0,741***	0,714***
Когорты по годам рождения: 1975–1984								
1935–1944	4,339***	0,264***	0,804	0,302***	0,125***	0,886	0,754	0,485***
1945–1954	2,470***	0,348***	0,583**	0,202***	0,181***	0,787	0,985	0,286***
1955–1964	2,537***	0,364***	0,614*	0,264***	0,226***	0,534**	1,518	0,305***
1965–1974	1,355	0,725**	0,888	0,194***	0,422***	0,507**	1,953*	0,371***
Псевдо R-квадрат		Кокс и Снелл = 0,217					Найджелкерк = 0,222	

*** p<0,01, ** p<0,05, * p<0,1.

Источник: РидДМиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Отделение от родителей до 22 лет связано с выбором траектории «Раннее сожителство, брак, рождение ребенка», а отделение после 22 лет — всех остальных, кроме «Сожителство, рождение ребенка» и «Брак, рождение ребенка, послебрачное сожителство», статистически значимые различия для которых не были выявлены. Возраст выхода на рынок труда связан с выбором первой и четвертой траекторий. Начало работы после 21 года увеличивает шанс выбора таких траекторий, как «Поздний прямой брак, рождение ребенка» и «Нет союзов, нет детей» вместо преобладающей.

Альтернативные траектории можно условно разделить на мужские и женские. К первой относятся: «Поздний прямой брак, рождение ребенка», «Позднее сожителство, брак, рождение ребенка», «Нет союзов, нет детей», «Как минимум один союз, нет детей», а ко второй — «Раннее сожителство, брак, рождение ребенка», «Нет союзов, рождение ребенка» и «Брак, рождение ребенка, послебрачное сожителство». Исключением является траектория «Сожителство, рождение ребенка», выбор которой вместо доминирующей траектории не связан с полом.

Неудачный matrimониальный опыт родителей увеличивает шансы выбора таких траекторий, как «Раннее сожителство, брак, рождение ребенка», «Брак, рождение ребенка, послебрачное сожителство», «Как минимум один союз, нет детей» вместо самой распространенной траектории.

Последним фактором, который уже был упомянут в предыдущем подразделе, является принадлежность к поколению. Россияне 1935–1964 гг. рождения более склонны к выбору самой распространенной траектории, чем две молодые когорты. Рожденные в 1965–1974 гг. более склонны следовать траектории «Брак, рождение ребенка, послебрачное сожителство», чем представители других поколений. Остальные траектории более характерны для молодых поколений россиян.

Выводы

Анализ некоторых параметров семьеобразующего поведения в 11 европейских странах показал, что Россия не отстает от общих тенденций, заключающихся в увеличении среднего числа партнеров в течение жизни; систематическом уменьшении доли людей, выбирающих брак; повышении доли одиноких; снижении числа вторых браков, вытесняемых сожителствами. Медианное положение России на оси модернизации жизненного пути связано с некоторым противоречием между процессом модернизации, политикой государства и традиционно существовавшим в стране типом брачности.

В ходе исследования были выявлены девять траекторий формирования семьи в России. Траектория «Ранний прямой брак, рождение ребенка» является самой распространенной, ее можно считать традиционной для России. Вторая — «Поздний брак, рождение ребенка» — от-

личается от первой возрастом наступления семьеобразующих событий. Более 60% россиян из советских поколений, представленных в выборке обследования, следовали этим двум траекториям. В молодых поколениях они были потеснены моделями поведения, в которых браку предшествует сожителство, а также траекторией «Сожителство, рождение ребенка».

Траектории, где семьеобразующие события наступают сравнительно поздно, и траектории, не предполагающие рождения детей, при прочих равных условиях предпочитают мужчины, те, кто получил высшее образование, а также респонденты, все эпизоды взросления которых наступили раньше любого семьеобразующего события. В противовес этому траектории, где matrimониальные события наступают рано, можно назвать скорее женскими. Эти траектории при прочих равных условиях выбирают респонденты, не получившие высшего образования.

Главные межпоколенческие изменения заключаются в распространении сожителств, выступающих как первой ступенью к браку, так и самостоятельным детоспособным союзом. Траектории, в которых присутствует сожителство, в большей степени распространены в городах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И., Грудина Т.Н. Снижение социальных установок на число детей в российской семье (по данным социолого-демографических исследований Москва-1976, Россия-2000 и Россия-2014) // Экономические стратегии. 2015. № 5–6. С. 80–87.
2. Артамонова А.В., Митрофанова Е.С. Сожителства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 126–145. DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.04
3. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. — 608 с.
4. Захаров С.В. Перспективы рождаемости в России: второй демографический переход // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). С. 124–140.
5. Захаров С.В., Исупова О.Г. Брачность и брачное состояние // Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишевский. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. С. 57–98.
6. Исупова О.Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2 (126). С. 153–165. DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10
7. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5 (55). С. 7–14.
8. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов // Демоскоп Weekly. 2017. № 725–726 [электронный ресурс]. Дата обращения 13.06.2018. URL: <<http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php>>.

9. *Elzinga C., Liefbroer A.* De-Standardization of Family-Life Trajectories of Young Adults: A Cross-National Comparison Using Sequence Analysis // *European Journal of Population / Revue Européenne de Démographie.* 2007. No. 23. P. 225–250.
10. *Gault-Sherman M., Draper S.* What will the Neighbors Think? The Effect of Moral Communities on Cohabitation // *Review of Religious Research.* 2012. No. 54 (1). P. 45–67.
11. *Gerber T., Berman D.* Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985–2000: Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition // *European Journal of Population Review.* 2010. No. 26. P. 3–31.
12. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective // *Population in history: Essays in historical demography / Ed. by D.V. Glass, D.E.C. Eversley.* London: Edward Arnold, 1965. P. 101–143.
13. *Isupova O., Perelli-Harris B., Mynarska M., Berrington A., Evans A., Keizer R., Klaerner A., Berghammer C., Lappeguard T., Vigholi D.* Towards a new understanding of cohabitation: Insights from focus group research across Europe and Australia // *Demographic Research.* 2014. No. 31 (34). P. 1043–1078.
14. *Kaa D.J. van de, Lesthaeghe R.* Two Demographic Transitions? // *Bevolking — Groei en Krimp, Mens en Maatschappij. [Population: Growth and Decline.] / Ed. by D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe.* Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. P. 9–24. (In Dutch)
15. *Mills M.* Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation // *European Journal of Population.* 2004. No. 20. P. 141–175. DOI: 10.1023/B:EUJP.0000033862.83081.ad
16. *Mills M., Blossfeld H.* The Second Demographic Transition Meets Globalization: A Comprehensive Theory to Understand Changes in Family Formation in an Era of Rising Uncertainty // *Life Course Research and Social Policies.* 2013. No. 1. P. 9–33.
17. *Mills M., Lesnard L., Potarca G.* Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? // *European Journal of Population.* 2013. No. 29. P. 69–101.
18. *Pereiro T., Pace P., Didonna M.* Entering first union: the choice between cohabitation and marriage among women in Italy and Spain // *Journal of Population Research.* 2014. No. 31. P. 51–70. DOI: 10.1007/s12546-014-9123-7
19. *Perelli-Harris B., Lyons-Amos M.,* Changes in partnership patterns across the life course: An examination of 14 countries in Europe and the United States // *Demographic Research.* 2015. No. 33. P. 145–178. DOI: 10.4054/DemRes.2015.33.6
20. *Vishnevsky A.* Family, Fertility, and Demographic Dynamics in Russia: Analysis and Forecast // *Conference Proceedings Russia's Demographic "Crisis", RAND.* 1996. P. 1–36.
21. *Zakharov S., Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V.* Transformation of partnership formation in Eastern Europe: The legacy of the past demographic divide // *Journal of Comparative Family Studies.* 2012. No. 43 (3). P. 389–417.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Распределение числа партнеров в траекториях представителей когорты на момент опроса, %

Когорты по годам рождения	Венгрия		Нидерланды		Россия		Болгария		Грузия		Чехия		Франция		Германия		Италия		Австрия		Литва												
	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+	1	2	3+									
1935–1944	80	16	3	78	13	4	34	46	15	87	4	0	90	3	0	23	55	12	21	60	11	11	67	11	11	80	2	-	-	-	31	58	6
1945–1954	76	16	5	72	17	6	19	56	20	86	7	0	90	3	0	19	58	15	17	61	16	11	69	12	10	76	4	-	-	-	24	62	8
1955–1964	75	16	5	68	19	7	14	63	20	86	6	0	89	3	0	16	60	14	13	61	20	9	65	16	9	77	4	6	64	27	19	68	9
1965–1974	69	17	6	67	19	7	11	63	21	80	5	1	83	3	0	13	60	16	11	64	18	10	63	15	10	69	3	5	61	30	11	72	8
1975–1984	50	17	5	50	19	4	19	50	13	52	3	0	63	1	0	23	40	6	22	51	11	17	44	7	29	22	1	11	58	22	14	65	5

Источник: GGP-2, расчеты автора.

Б. Доля не вступивших в сожитие / брак на момент опроса в общем числе респондентов когорты, %

Когорты по годам рождения	Венгрия		Нидерланды		Россия		Болгария		Грузия		Чехия		Франция		Германия		Италия		Австрия		Литва		
	Не было парт-нера	Не было парт-суп-руга(и) нера																					
1935–1944	2	3	5	7	6	10	9	10	7	11	10	12	8	12	12	15	8	9	-	-	-	6	7
1945–1954	3	4	5	13	5	10	7	9	8	12	9	13	7	15	9	13	11	14	-	-	-	6	10
1955–1964	5	9	6	20	4	11	9	12	9	16	10	18	7	26	11	17	10	15	3	14	6	9	
1965–1974	9	21	8	35	5	16	15	24	14	32	11	25	7	36	12	27	18	29	5	23	9	15	
1975–1984	29	61	27	72	19	44	44	66	36	58	31	69	17	72	32	46	50	79	10	52	16	38	

Источник: GGP-2, расчеты автора.

В. Средние (медианные) возрасты наступления событий в разрезе траекторий формирования семьи

Траектория	Первое сожителство	Первый брак	Рождение ребенка	% завершившихся сожителств	% завершившихся браков	Первое расставание	Первый развод	Число случаев	Доля
Ранний брак, рождение ребенка	-	20,2(20)	21,4(22)	-	17	-	26,6(26)	1885	38
Поздний брак, рождение ребенка	-	25,3(25)	27,5(27)	-	17	-	30,0(30)	805	16
Раннее сожителство, брак, рождение ребенка	19,5(19)	20,4(20)	20,8(21)	53	35	25,3(25)	25,7(25)	754	15
Позднее сожителство, брак, рождение ребенка	25,3(25)	26,6(26)	27,5(27)	44	31	28,4(29)	29,2(29)	348	7
Нет союзов, нет детей	-	-	-	-	-	-	-	250	5
Сожителство, рождение ребенка	23,1(22)	-	24,1(23)	53	-	25,8(26)	-	252	5
Нет союзов, рождение ребенка	-	-	24,5(24)	-	-	-	-	186	4
Брак, рождение ребенка, сожителство	29,5(29)	19,6(19)	20,8(21)	52	84	32,2(33)	26,3(26)	165	3
Другое: как минимум один союз, нет детей	24,7(23)	24,9(24)	-	61	40	27,1(27)	27,8(28)	303	6

Источник: РидДмиЖ (панель 2004, 2007, 2011), расчеты автора.

Дата поступления: 04.09.2017.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL

2018. Vol. 24. No. 2. P. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847

A. V. ARTAMONOVA

ISCTE — University Institute of Lisbon
Lisbon, Portugal

Alena V. Artamonova — Master of Sociology (NRU HSE), an Erasmus Mundus MFamily joint master student, University Institute of Lisbon.

Address: 36, Av. das Forças Armadas, 1600-077, Lisbon, Portugal.

Phone: +7 (915) 269-43-71. **Email:** aaaav@iscte-iul.pt

**CHANGES IN FAMILY FORMATION TRAJECTORIES AMONG RUSSIANS
AND FACTORS FOR SUCH CHANGES**

Abstract. In the last few decades, demographers have observed changes in the way individuals organize their lives. This study is devoted to comparing Russia with other European countries in terms of matrimonial behavior modernization, as well as to identifying clusters of Russians depending on their family formation trajectories, analyzing the spread of modern trajectories among generations of Russians born from 1935 to 1984, and identifying factors for choosing particular trajectory. Parameters of family formation behavior, available in the second wave of the “Generation and Gender Programme” international survey, show that Russia follows a common modernization path with European countries. The results of a cluster analysis, based on panel data from the Russian part of the “Generation and Gender Programme”, revealed 9 clusters of Russians, according to the sequence and time of first cohabitation, marriage and childbirth. Such trajectories as “early marriage, birth of a child” and “late marriage, birth of a child” are the most common. More than 60% of respondents from Soviet generations followed these two trajectories. In the case of modern generations, they were surpassed by trajectories where early or late cohabitation precedes marriage, as well as such a trajectory as “cohabitation, birth of a child”. The amount of people choosing the other four trajectories is statistically stable among different generations. Multinomial logistic regression showed that type of settlement, level of education, age of separation from parents and attaining one’s first job, gender, generation and parents’ matrimonial experience are all factors of choosing a family formation trajectory.

Keywords: life course; demography; the Second demographic transition; family formation trajectory; marriage; cohabitation; childbirth.

The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2016 (grant №16-05-0011 “Development and testing of demographic sequence analysis and mining techniques”) and supported within the framework of a subsidy granted to the HSE by the Government of the Russian Federation for the implementation of the Global Competitiveness Program.

For citation: Artamonova A.V. Changes in Family Formation Trajectories among Russians and Factors for such Changes. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847

REFERENCES

1. Antonov A.I., Grudina T.N. Decrease of Social Installations on Number of Children in Russian Family (according to Social-Demographic Research Works “Moscow 1976”, “Russia 2000”, Russia 2014”. *Jekonomicheskie strategii*. 2015. No. 5–6. P. 80–87. (In Russ.)
2. Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. Cohabitation in Russia: “Trial” union or an independent social institution. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2016. No. 1. P. 126–145. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2016.1.04
3. *Demograficheskaja modernizacija Rossii, 1900–2000*. [Demographic Modernization in Russia, 1900–2000.] Ed. by A.G. Vishnevskij. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2006. 608 p. (In Russ.)
4. Zaharov S.V. Fertility Prospects in Russia: the Second Demographic Transition. *Otechestvennye zapiski*. 2005. No. 3 (24). P. 124–140. (In Russ.)
5. Zaharov S.V., Isupova O.G. *Marital Status and Nuptiality. Naselenie Rossii 2012: dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad*. [Population of Russia: Twentieth Annual Demographic Report.] Ed. by A.G. Vishnevskij. Moscow: Izdatel'skij dom NIU VSHJe publ., 2014. P. 57–98. (In Russ.)
6. Isupova O.G. Russian Consensual Unions in the Early XXI Century (Based on the International Comparative Study Data). *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2015. No. 2 (126). P. 153–165. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2015.2.10
7. Levada Ju.A. Generations of the XX Century: Opportunities of Study. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2001. No. 5 (55). P. 7–14. (In Russ.)
8. Sinel'nikov A.B. The Marriage Rate and the Birth Rate without Double Gender Standards. *Demoskop Weekly*. 2017. No. 725–726. Accessed 13.06.2018. URL: <<http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0725/tema01.php>>. (In Russ.)
9. Elzinga C., Liefbroer A. De-Standardization of Family-Life Trajectories of Young Adults: A Cross-National Comparison Using Sequence Analysis. *European Journal of Population. Revue Européenne de Démographie*. 2007. No. 23. P. 225–250.
10. Gault-Sherman M., Draper S. What will the Neighbors Think? The Effect of Moral Communities on Cohabitation. *Review of Religious Research*. 2012. No. 54 (1). P. 45–67.
11. Gerber T., Berman D. Entry to Marriage and Cohabitation in Russia, 1985–2000: Trends, Correlates, and Implications for the Second Demographic Transition. *European Journal of Population Review*. 2010. No. 26. P. 3–31.
12. Hajnal J. *European marriage patterns in perspective. Population in history: Essays in historical demography*. Ed. by D.V. Glass, D.E.C. Eversley. London: Edward Arnold, 1965. P. 101–143.
13. Isupova O., Perelli-Harris B., Mynarska M., Berrington A., Evans A., Keizer R., Klaerner A., Berghammer C., Lappeguard T., Vigholi D. Towards a new understanding of cohabitation: Insights from focus group research across Europe and Australia. *Demographic Research*. 2014. No. 31 (34). P. 1043–1078.
14. Kaa D.J. van de, Lesthaeghe R. Two Demographic Transitions? *Bevolking — Groei en Krimp, Mens en Maatschappij*. [Population: Growth and Decline.] Ed. by D.J. van de Kaa, R. Lesthaeghe. Deventer: Van Loghum Slaterus, 1986. P. 9–24. (In Dutch)
15. Mills M. Stability and change: the structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation. *European Journal of Population*. 2004. No. 20. P. 141–175. DOI: 10.1023/B:EUJP.0000033862.83081.ad
16. Mills M., Blossfeld H. The Second Demographic Transition Meets Globalization: A Comprehensive Theory to Understand Changes in Family Formation in an Era of Rising Uncertainty. *Life Course Research and Social Policies*. 2013. No. 1. P. 9–33.

17. Mills M., Lesnard L., Potarca G. Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? *European Journal of Population*. 2013. No. 29. P. 69–101.
18. Pereiro T., Pace P., Didonna M. Entering first union: the choice between cohabitation and marriage among women in Italy and Spain. *Journal of Population Research*. 2014. No. 31. P. 51–70. DOI: 10.1007/s12546-014-9123-7
19. Perelli-Harris B., Lyons-Amos M., Changes in partnership patterns across the life course: An examination of 14 countries in Europe and the United States. *Demographic Research*. 2015. No. 33. P. 145–178. DOI: 10.4054/DemRes.2015.33.6
20. Vishnevsky A. Family, Fertility, and Demographic Dynamics in Russia: Analysis and Forecast. *Conference Proceedings Russia's Demographic "Crisis", RAND*. 1996. P. 1–36.
21. Zakharov S., Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. Transformation of partnership formation in Eastern Europe: The legacy of the past demographic divide. *Journal of Comparative Family Studies*. 2012. No. 43 (3). P. 389–417.

Received: 04.09.2017.
